

Я знал Санкт-Петербург,
Москву, но мне еще неведом
был Нижний Новгород.
А можно ли жить, не повидав
Нижнего Новгорода!

Теофиль Готье

• 1 •

«МЕРТВАЯ ТЕЛО»

Как известно, в Российской империи три столицы: сановный Петербург, Первопрестольная старушка Москва и — нерусская, почти европейская Варшава. Но есть и еще одна столица, четвертая, которая становится таковой лишь на полтора месяца в году, с 15 июля по 25 августа. Это — Нижний Новгород, красавец град у слияния Оки и Волги. Город делает ярмарка, знаменитая, самая большая в мире по оборотам, самая населенная, самая шумная. Нигде такой больше нет. На эти полтора месяца население Нижнего Новгорода увеличивается в десять раз! За сезон по торговым рядам проходит более пяти миллионов человек при коренном населении города в сорок пять тысяч! То-то раздолье...

Алексей Лыков встал, как обычно, в семь, наскоро попил чаю, сделал силовую гимнастику, надел статское (почти уже привык) и побежал на службу. Жил он на Благовещенской улице, под монастырем, аккуратно напротив ярмарки, на правом берегу Оки. Втроем с матушкой и сестрой они снимали скромную четырехкомнатную квартиру в доходном доме купца Медведева. Алексей служил вот уже четвертый месяц помощником квартального надзирателя в Макарьевской части, в той самой, куда входят ярмарка вместе с Кунавином. Путь Лыкову на ярмарку лежал через плашкоутный мост, на другой берег Оки, где уже приготовили для торжественного открытия торгов арку и флачные башни. Завтра же, 15 июля 1879 года, ярмарка откроется в шестьдесят второй раз.

Алексей манежным галопом, как выражался покойный батюшка, пересек наплавной мост, свернул налево, по длинной Александро-Невской улице добрался до Главного дома и не мешкая прошел в правый флигель, где помещалась полицейская часть. Успел за десять минут до развода, поздоровался с непосредственным начальником — квартальным надзирателем «чистого» 8-го квартала Ничепоруковым, с остальными девятью квартальными, их помощниками, сыск-

ным надзирателем Макарьевской части Иваном Ивановичем Здобновым (покровителем и наставником) и стал во фронт перед клеенчатой дверью кабинета пристава.

«Сам» — пристав Львов — задерживался с выходом, о чем-то секретничал с прибывшим начальством. Скоро туда вызвали и Ивана Ивановича. Остальные полицейские, числом более пятидесяти, толпились в просторном приемном зале Макарьевской части, лениво переругиваясь и пересмеиваясь друг с другом. Лыков заметил, что все три помощника пристава (два из них, конечно, временные, на период ярмарки) мнут-ся у дверей начальства, и вид у них сконфуженный — не позвали! Что ж там за тайны такие?

Но вот дверь открылась, кто-то изнутри поманил пальцем постоянного помощника пристава, тот зашел и тотчас вышел, скомандовав:

— К разводу становись! Равняйся! Смир-р-р-но!

Сразу же появился частный пристав, натягивая перчатки, козырнул по-военному небрежно:

— Вольно! Слушай инструкцию.

Завтра ярмарка. Купцы и негоцианты съезжаются, товары все уже свезены; власти, таможня, банк, больница, полиция — все подготовлено. Начинается наша полуторамесячная баталия, спать будет некогда. Его превосходительство

господин губернатор изволил вчера собрать совещание по вопросу охранения порядка на ярмарке. Нам с господином полицмейстером поставлено на вид, что в прошлом году действиями полиции, и особенно нашей Макарьевской части, были серьезно недовольны. Пять нераскрытых убийств! — пристав поднял вверх указательный палец, обтянутый белой лайкой. — Более сорока грабежей! Тридцать две кражи со взломом! И (он сверился по бумажке) более ста покушений на личность!

Сделав значительную паузу и обведя всех строгим взглядом, пристав продолжил:

— Нижегородская ярмарка, как магнит, притягивает сброд со всех концов империи и даже из-за ее пределов. Мильен посетителей, и все богатые зеваки; понятно, что полиции трудно. Я пояснил это его сиятельству. Он понимает наши обстоятельства, но просит — слышите? просит! — постараться. Генерал-лейтенант, граф и многих орденов кавалер Павел Ипполитович Кутайсов просит нас постараться. Он сам сегодня переезжает в казенную ярмарочную квартиру, в нашем же здании находящуюся, будет здесь вместе с нами дневать и ночевать, обещает всяческую поддержку. Кроме того, как вы знаете, к нам назначен временным генерал-губернато-

ром граф Игнатъев, тот самый, знаменитый, и он уже выехал. С ним шутки плохи! стыдно нам будет всем, если ударим мы в грязь лицом перед таким человеком. стыдно. Тем более мы вдвое в нынешнем годе увеличили штат помощников квартальных надзирателей, взяли толковую молодежь, некоторые даже с полным средним образованием, языками владеют и повоевать успели.

«Это ведь обо мне!» — понял Лыков и, точно, поймал на себе одобрительно-требовательный взгляд начальника.

— Всякое ворье беспременно наметилось к нам на ярмарку. Со всех концов собираются, некоторые уже, наверное, здесь и сегодня вам на улицах попадутся под видом честных обывателей. Надо их уметь отличить! Посему заслушайте внимательно сообщение надворного советника Благово, всем вам хорошо известного помощника начальника сыскной полиции.

Пристав Львов отошел в сторону, на его место встал седовласый, в возрасте уже мужчина в модном зауженном сюртуке, с седыми же усами и цепким, каким-то особенным взглядом — провел по рядам и всех тотчас увидел.

— Прошу внимания! — негромко, как бы подружески сказал он. — Господин пристав важ-

ность задачи уже объяснил. Да вы и сами понимаете — новый генерал-губернатор скоро прибудет, особа знаменитая, турками даже весьма уважаемая, хочет, чтобы первая его, в роли губернатора, ярмарка прошла хорошо. Человек он серьезный, кричать не любит, но дело знает и видит всех насквозь. Такого начальника у нас никогда еще прежде не было, и то сказать — недолго в Нижнем и продержат, надо успеть постараться, пока в столицу не забрали эдакого орла. Опять же и перед обществом мы обязаны порядок соблюсти, нам за это государь жалованье платит. Так что приказ нам всем и просьба — постараться.

Теперь об жуликах.

Благово кашлянул в кулак и раскрыл папку, почтительно поданную ему Здобновым.

— Петербургское сыскное сообщает: выехал к нам в Нижний двенадцатого июля безуспешно разыскиваемый ими убийца и грабитель Осип Лякин по кличке Ося Душегуб, русский, тридцати пяти лет от роду, ростом два аршина 10 вершков¹, цвет волос черный с проседью, глаза карие, взгляд тяжелый, властный, неприятный, усы черные завитые книзу, на левой скуле шрам от

---

¹ 86,5 сантиметра.

чирья. Одевается купцом. Доказанно убил в Питере за 78–79-й годы четырнадцать человек. По сведениям агентуры, был здесь на ярмарке о прошлом годе, уехал с добычей, наверняка и у нас кого-то порешил. Душегуб не только по кличке, но и по призванию, если позволительно так сказать. Страшный человек. По уголовной табели о рангах – «иван», то есть крупный преступный авторитет. Если кто его опознает – в одиночку и не думайте, зовите подмогу. Всегда носит с собою нож и кистень. Год назад зарезал участкового пристава Литейной части Трегубова, пытавшегося его арестовать всего с одним городовым; городской тоже убит.

С ним, по-видимому, выехал его ближайший помощник Сашка Регент, русский, рост два аршина семь с половиной вершков¹, усы и бороду бреет, волосы русые, глаза голубые, лицо правильное, уши прижатые, особая примета – нет мизинца на левой руке. Также весьма опасен: хорошо владеет ножом, душит ремнем, очень ловок – был прежде цирковым акробатом.

Далее. Варшавское сыскное сообщает: к нам выехала шайка взломщиков сейфов, где верховодит Владек Плотковский по кличке Блыскивица,

---

¹ 75 сантиметров.

что сиречь Молния. Приметы: рост два аршина восемь вершков...¹

...Алексей Лыков застыл в строю, на левом фланге, около своего квартального Ничепорукова, слушая вполуха и легко запоминая все сказанное городским сыщиком. Память у него была отменная — спасибо покойному батюшке, заставил ее развивать.

Батюшка вообще много чего успел сделать для единственного сына, прежде чем умер: и мораль христианскую привил, и память поставил, и силу значительную гимнастикой (первое время, признаться, из-под палки), и языки заставил учить серьезнее, чем в гимназии требовалось; также книжки читать поощрял, не как некоторые родители. Кроме того, сам по происхождению из мещан, выслужил он сыну и всем последующим потомкам рода Лыковых дворянство. Казалось бы, не велика птица — отставной подпоручик, но славный орден Святого равноапостольного князя Владимира с мечами и бантом получил. За шестьдесят третий год, за Польшу, где он остался единственным живым офицером в роте, с двумя пулевыми и штыковым ранениями. Алексей с тех пор не любил поляков, всегда помня, как они батюшкин век укоротили... Умер отставной подпо-

---

¹ 78 сантиметров.

ручик всего год назад, сорока шести лет от роду, из-за простреленного панамы легкого. Алексей на похороны не попал — сам в это время валялся в госпитале в Тифлисе, тоже с пробитым легким. Здоровый турок попался, арабистанец (лучшее у османов войско), борода до пояса, глаза безумные, чисто его кинжалом под сердце ткнул, когда они Столовую гору штурмовали. Спасибо другу, такому же пластуны Гиляровскому, необыкновенно сильному и ловкому человеку — из-за спины Алексея выпрыгнул, поднял арабистанца на штык и нес несколько аршин перед собой, как жука на булавке, а тот все пытался его кинжалом достать, пока не помер.

Алексей на секунду вернулся сознанием в зал, где Благово негромко, но очень отчетливо, не торопясь, чтобы лучше запомнили, читал:

— Одесское сыскное сообщает: исчез из города и, как похвалялся в ресторации, уехал в Нижний мошенник по бриллиантовой части Мойша Наппельбаум, сорока лет, усы и бороду бреет, кожа смуглая, прыщавая, лицо восточное, на жида не похож, потому часто одевается армянином. Особая примета — слева вверху золотой зуб...

«Не забыть сказать Гаммелю... и про варшавских воров также», — подумал Алексей и снова

нырнул в военные воспоминания — как восстанавливал после госпиталя здоровье в Геленджике, как уже после окончания войны ловил с терскими казаками продавшихся туркам чеченов — братьев Алибековых, рубился на саблях со старшим и раскроил ему череп, а младший потом с другими кровниками гонял его по горам. Никому Алексей этого не рассказывал, особенно матушке с сестрицей, только иной раз за чаем Ивану Иванычу Здобнову, чтобы совсем уж за мальчика не держал. Иван Иваныч — матушке троюродный брат, он и привел Лыкова в полицию, когда тот, отлечившись от второй раны, уволился из Кавказской армии и, дома отдохнув, стал искать занятие.

— ...Покамест все, господа. Попробуйте запомнить, а письменно это все будет у господина пристава. Из перечисленных жуликов на пятерых имеются фотографические портреты; господ кварталных прошу подойти и получить. У меня все.

Через несколько минут Лыков, распираемый молодостью, хорошей погодой и служебным рвением, походным шагом шел из полицейской части на свой пост. Здобнов расстарался и квартал ему выхлопотал приличный: бриллиантчики, золотых и серебряных дел купцы, книготоргов-

цы, парфюмерные и мануфактурные лавки. Покупатель здесь солидный, товар дорогой, работа чистая, но рисковая — не дай Бог прошляпишь что у таких солидных людей, никакой Здобнов не спасет.

Алексей увидел, что ему приветливо кивает вышедший из банковской конторы как раз эдакий солидный господин в песочной визитке. Из-за его спины дружески махнул рукой огромный парень, без трех вершков сажень¹, с кудлатой головой и прямоугольной челюстью. Это были московский ювелир Гаммель и его телоохранитель Марк по кличке Каланча. Гаммель был еврей-выкрест из единоверцев и держал в Москве на Кузнецком магазин с хорошими оборотами. Человек богатый, умный и в делах безукоризненно честный, как говорили все опрошенные уже Лыковым в его квартале торговцы.

Алексей познакомился с этой парой позавчера, когда, проходя мимо кучки ювелиров, услышал отрывок интересного разговора. Четверо бриллиантчиков со своими охранителями, как на подбор корпусными плечистыми мужчинами, слушали рассказ Гаммеля о том, как его Марк уложил по случаю в Москве двух громил, напавших

---

¹ 200 сантиметров.

на его хозяина при выходе с выручкой из магазина. Здоровяки и их хозяева трогали осторожно бицепсы Каланчи — он был на полголовы выше самого рослого из охранителей — и уважительно качали головами. Алексей не удержался и, хотя делать этого не стоило, встрял в разговор:

— Силен ты, парень! А дай силу твою померить, поручкаться, можно?

Каланча хмыкнул презрительно, глядя с высоты на Лыкова, хоть и крепкого на вид, но комплекции не богатырской и росту среднего.

— Давай, Марк, поучи молодца, — тотчас же дал команду Гаммель. — Только аккуратней, руку не сломай.

— Ну держись, волга, — протянул Каланча Лыкову огромную ладонь. — До последнего не терпи, сразу кричи, а то я не рассчитаю силу-то.

— Не бойсь, — коротко буркнул Лыков и вложил свою ладонь в Маркову лапищу. Противники застыли в напряжении; захрустели костяшки пальцев, вокруг стояли ювелиры с охранителями и беззлобно подначивали противников.

Секунд через десять лениво-снисходительная мина на лице Каланчи сменилась недоумением, и он приналег во всю силу. Еще мгновение, и лицо его побелело, покрылось мелкими капельками пота. Гаммель и прочие недоуменно

наблюдали за ним. Лыков стоял спокойно, слегка улыбаясь, и жал руку как бы шутя.

Неожиданно Каланча, охнув, упал на колени, и Лыков тотчас же разжал хват.

— Черт... здоровый... — пробормотал Каланча, со стоном раздирая слипшиеся побелевшие пальцы.

— Вы кто? — ошалело спросил Гаммель, быстро поднимая Марку с колен.

— Помощник квартального надзирателя вашего квартала Алексей Николаевич Лыков.

— Где вы так научились? И как вам это удастся? А кстати, позвольте вас угостить рюмкою портвейна, — скороговоркой выпалил Гаммель, и Алексей согласился.

В ресторане, где Марку приложили к кисти лед с ледника, Лыков виновато тронул его за рукав:

— Извини, земляк, долго не кричал, я и погорячился.

— Ништо, — бодро ответил тот, — мне наука — не хвались!

— Так как же это? — спросил Гаммель, оставив портвейн.

— Да на войне я этому научился, — скромно ответил Алексей. — У нас в команде пеших разведчиков был человек необычный, актер по

ремеслу, Гиляровский его фамилия. Весь полк поборол, а там какие были геркулесы — о-го-го! Я единственный, кто продержался больше минуты. Ну, он и стал меня учить. Есть такая специальная гимнастика для мышц грифа, то есть пальцев и запястья. К концу кампании я с ним уже вничью ручкался и победил бы вскорости, да в госпиталь попал. Вот, тоже от него научился. — Алексей вынул серебряный пятиалтынный и без видимых усилий согнул его большим пальцем, зажав между указательным и безымянным. Собеседники его ошалело переглянулись, а Лыков так же легко сложил монету пирожком и кинул ее на стол. — Это малому на чай.

Новые знакомцы разговорились, Гаммель рассказал немного о себе и своем деле и все присматривался к Алексею. «Что-то хочет», — понял тот и не ошибся. В конце беседы ювелир предложил помощнику надзирателя десятирублевый билет, сказав негромко:

— Возьмите, Алексей Николаевич, и, пожалуйста, не откажите в моей просьбе. Торговля наша особенная, убытки, случись что, многотысячные. Я здесь в четвертый раз, и каждый год кого-нибудь обворовывают. О прошлом годе взломали кассу у Куприянова, а еще Ге-

шефтера нашли зарезанным, вместе с приказчиком. Боюсь я. Взяли бы вы на себя труд предупредить нас с Марком о том, какие бандиты и мошенники сюда наведываются. Вас, наверное, сыскное о том извещает. А я вам каждую неделю по «красненькой» за труды. Я у себя в Москве так работаю с полицией, и пока Бог хранит.

И Лыков согласился.

Завидев теперь ювелира с Марком, он дружески пожал хозяину руку, шутливо ткнул кулаком в бок телоохранителя (тот испуганно отшатнулся) и сказал:

— Новости есть, Абрам Моисеевич. Пока так послушайте, а завтра я вам в письменном виде это принесу.

И он по памяти слово в слово пересказал то, что услышал от городского сыщика Благово о грабителях, взломщиках и ювелирных мошенниках.

Гаммель и Марк слушали внимательно и серьезно, понимаяще переглядывались. Особенно Гаммеля встревожили варшавские воры, славившиеся умением «громить» несгораемые шкафы при помощи специальных инструментов.

Когда Лыков закончил, Марк поежился и бережно прикрыл хозяина огромным плечом.

— Абрам Моисеич! Вы зря у банка застряли. Пойдемте-ка быстрее в магазин, переложим деньги в кассу, вернее будет.

Алексей знал, что сзади под поддевкой у Каланчи засунут шестизарядный «вэблей», а в правом сапоге спрятан нож. Кроме того, среди бела дня, в пятидесяти саженьях от полицейской части... И тут же увидел неприметного человека, стоявшего к ним боком, но косившегося в их сторону. Заметив, что обнаружен, человек быстро зашел в соседнюю лавку.

Марк перехватил взгляд Лыкова, обернулся и успел увидеть профиль незнакомца.

— Во! — шепотом сказал он. — Вчерась он сидел в ресторации через два стола от нас.

— Я его запомнил, — тихо ответил Лыков.

— Быстрее домой, — заторопился Гаммель. — А вам, голубчик Алексей Николаевич, спасибо большое за доставленные сведения. Еще более благодарны будем, ежели завтра, как обещали, в записях это все доставите. И этого бы, серого... узнать, кто таков, почему вокруг вертится.

— Все сделаю, Абрам Моисеевич, — кивнул Лыков, и они разошлись.

Повернувшись, Алексей увидел далеко впереди быстро удаляющегося «серого», догонять его

было бессмысленно, и он отложил незнакомца на ужо. А пока надо было продолжить обход.

Лыков пересек Царскую улицу и вышел на Главный бульвар, обошел «свои» ряды — Серебряный, Астраханские большой и малый, по Сибирской улице прогулялся до Пушного ряда и вышел к Обводному каналу, недавно переименованному в Бетанкуровский. Канал огромной подковой огибал территорию ярмарочного Юстиного двора. Параллельно ему была проложена подземная галерея, в которой по трубе текла, перегоняемая из Мещерского озера, вода. Вдоль галереи стояли белые конусообразные киоски числом 20 — спуски в отхожие места, в которых также можно было и курить (вообще на ярмарке курить запрещалось). Галерею с канализацией построил еще Бетанкур шестьдесят лет назад, и она успешно работала до сих пор, служа одновременно пожарным резервуаром с водой; дважды в день открытием особых шлюзов отхожие места промывались.

Не успел Лыков дойти до белого киоска, как из него сломя голову выбежал татарин в фартуке, по виду уборщик, и закричал тонким визгливым голосом:

— Палиция! Палиция! Суда шибка беги!

Алексей мигом подскочил и схватил кричащего за рукав:

— Я — полиция! Говори, что случилось? — и махнул вынутой из кармана полицейской бляхой.

Татарин посмотрел на бляху и на Алексея ошалелыми глазами и выдохнул:

— Мертвая тело!

• 2 •

СЛЕД АВВАКУМА

Тело мужчины, около 45 лет, чисто одетого, было спрятано в комнатухе, в которой татарин хранил метлы и веники. Через полчаса покойник лежал в секретном депо полицейской части, причем огласки при перевозке тела избежать не удалось; ярмарка уже потихоньку гудела и перешептывалась.

Пристав Львов забежал, расстроенный, на минуту, посмотрел на убитого (дыра аккурат в сердце, и орудия рядом нет, ясно, что не сам) и сердито отчитал хмурого Ничепорукова и вытянувшегося рядом во фронт Лыкова:

— Ярмарка только завтра, а первый покойник уже сегодня! Ну, спасибо, Ничепоруков! Уж от восьмого квартала никак не ожидал. Отличи-

лись, етит твою мать! Через полчаса доклад его превосходительству, то-то он обрадуется!

И убежал, схватившись за красивую ухоженную голову.

Ничепоруков расправил плечи, глянул с усмешкой на Лыкова:

— Эхма, Алексей, мы же с тобою и виноваты, что покойника нашли! Ну, начальство ушло, давай за работу.

Убитого уже осматривал полицейский врач Милотворский. Лыков с квартальным подошли к телу, тут распахнулась дверь, и вбежал сыскной надзиратель Здобнов.

— Ага! — только и сказал он и присоединился к наблюдавшим.

Милотворский зондом прощупал рану в груди убитого, потом осмотрел все тело, хмыкнул («особых примет нет») и обратился к Здобнову и Ничепорукову:

— Значит, так. Нанесен один удар, острым колющим предметом, в сечении трехгранным...

— Штык? — тотчас же перебил Здобнов.

— Нет, скорее стилет, хотя и штык не исключается. Смерть наступила тотчас же — удар очень точный, бил человек опытный. Содержимое желудка сообщу вечером после вскрытия. Покойник мертв примерно с полуночи. Пока

все! — И Милотворский удалился, помахивая тросточкой.

Ничепоруков хмыкнул и молча, умело стал осматривать снятую с покойника одежду, передавая затем вещи сыщику. Здобнов так же молча срисовал в тетрадь метки с подкладки жилета и с носового платка. Алексей стоял рядом, спокойно сознавая свою ненужность — он молодой, его дело учиться у старших. Скосив глаза на мертвое тело, он вдруг увидел то, чего не заметил доктор, и тронул за плечо Здобнова:

— Иван Иванович! Поглядите-ка на его ноги.

Здобнов отложил жилет, глянул и аж крикнул:

— А ведь точно! Колченогий покойничек-то.

Ничепоруков прикинул пятерней:

— Так точно, Иван Иваныч, левая нога на вершок короче правой.

— Дай-ка, Алексей, его башмаки. Ну, что и следовало ожидать — каблуки разные, левый выше правого на тот же вершок. Вот и особая примета нашлась, теперь и опознать легче.

Тут Ничепоруков что-то выудил из брючного кармана убитого и выложил на стол; это была новенькая визитная карта.

— «Вологожин Петр Никанорович, Ижевск, Успенская улица, собственный дом», — прочел Здобнов и недоверчиво хмыкнул. — Сомнитель-

но как-то. Свои карточки по одной не носят, а сразу хоть с пяток. Потом — часов, паспорта, бумажника нет, а визитная карта имеется. Не заметили или подбросили, чтобы со следа сбить?

— Алексей, проверь в паспортном столе этого Вологожина, где его прописали, — скомандовал Ничепоруков, и Лыков полетел в канцелярию полицмейстера. Через четверть часа, когда квартальный с сыщиком как ни в чем не бывало пили чай, он вернулся в секретное депо и доложил:

— Вологожин Петр Никанорович в паспортном столе не прописан. Прикажете подготовить запрос в Ижевск?

— Сам подготовлю, — отмахнулся Здобнов. — Что думаете, господа? Купец он или так, водки попить приехал да арфисток пощупать?

— Купец должен прописаться... — подумал вслух Ничепоруков, отхлебнул чаю и добавил: — А по виду, однако, купец.

— Я тоже думаю, что купец, — веско сказал Здобнов. — Колченогий... И трехгранный стилет как будто где-то уже мелькал.

— Иван Иванович, — напомнил ему Лыков, который никогда ничего не забывал. — Сводка из Петербургского сыскного от семнадцатого июня. Сашка Регент убил стилетом совладельца

ресторана «Донон», после чего, по непроверенным сведениям, скрылся в поволжских городах.

— Молодец, Алексей, — одобрил Здобнов, — сейчас, после твоих слов, и я вспомнил. Значит, Сашка Регент? Серьезный субъект. Ты все мечтал сыскную работу поглядеть — вот тебе и подфартило.

Ничепоруков со Здобновым добродушно рассмеялись, Лыков хотел обидеться, но передумал. «Чем бы их подкузьмить? — подумал он. — Вот возьму сейчас и открою что-нибудь, чего они не заметили. Нашел же я особую примету, а и доктор, и они просмотрели».

Он стал перебирать одежду убитого, повертел карточку. Здобнов толкнул в бок квартального надзирателя, они беззлобно и понимающе хихикнули. Не обращая на них внимания, Алексей взял левый башмак и начал его пристально изучать. Утолщенный каблук. Только ли чтоб не хромать? И для тайника удобно.

Он надавил сильно пальцами на каблук, и вдруг тот отъехал, как на полозьях, и в ладонь Лыкову выпал бумажный шарик.

Здобнов мигом соскочил со стула, навис над плечом, но шарик не взял. Алексей развернул шарик — это был чистый лист папиросной бумаги; внутри его оказался какой-то с виду пергамент

или просто изрядно пожелтелая четвертушка, и на ней — сильно выцветшие старославянские, вкривь написанные буквы.

— Ну-ка, вспоминай гимназию, господин коллежский регистратор, — серьезно сказал сыщик. Ничепоруков тоже смотрел на Лыкова поощрительно, как бы говоря: давай, молодой, рой землю, твоя карта идет.

И Алексей стал медленно, с трудом разбирая буквы, читать:

— «Возлюблении чада мои их же аз люблю во истинну друзии прелюбезные... Аз сижу под спудом засыпан в Пустозерье несть на мне ни нитки токмо крест с гойтаном да четки в руке... Предвижу конец мой близкий от никонианския последышей козней но... дерзаю со еретики братися до смерти по матери нашей святая Божей церкви. Молю вас грешный...», тут буква «п» в кружке... и конец фразы: «бью челом невосклонно...» Сейчас, Иван Иванович, я вспомню.

Лыков сел, обхватил голову руками, молча думал секунд тридцать. Потом встал и доложил:

— Судя по слогу, а также по упоминаемому в тексте Пустозерью, рукопись может принадлежать перу протопопа Аввакума или одному из его сподвижников. Он провел в Пустозерском остроге последние пятнадцать лет своей жизни

и был там же и сожжен, кажется, в 1682 году. В остроге, в земляной яме он много писал: мемуары, послания, религиозные сочинения. С ним вместе сидели еще трое — Епифаний, Лазарь, третьего не помню, и все они тоже много писали, но мне почему-то кажется, что это автограф Аввакума.

— Письмо или мемуар Аввакума. Хгм... Это он написал известные «Записки»? — спросил Здобнов.

— Точно так, Иван Иванович. Аввакум очень почитаем староверами. О прошлом годе, как общали «Московские ведомости», купец Викула Морозов купил неизвестный оригинал послания Аввакума княгине Урусовой за пятьдесят тысяч рублей.

— Что ж. Возможно, наш покойник и впрямь купец, старовер и собиратель церковных древностей. Да еще и колченогий. С такими приметами мы его быстро опознаем.

Придя домой уже поздно вечером, Лыков поужинал с матушкой и сестрою, отмахнулся от их расспросов и ушел в свою комнату. Иван Иванович дал понять, что попросит пристава дать ему Алексея в помощь по сыскной части на все время ярмарки. Это было и лестно, и заманчиво. Лыков

понимал, что романтики и демонических страстей в сыске намного меньше, чем в книгах Крестовского или графини Салиас, — полтора года войны уже сделали из мальчика мужчину. Однако сыскная работа интереснее, чем помощником квартального шляться по торговым рядам. Ярмарка — гигантское предприятие, и для полицейской работы здесь огромное поле деятельности. Взять хотя бы знаменитые Самокаты — площадь на северо-востоке ярмарки с низкопробными народными увеселениями, куда полиция в принципе не совалась. Или не менее знаменитый «Кавказ» — остров на Волге, где месяцами обитали банды убийц и грабителей, выходя по ночам на охоту. Зловещие «мельницы» — тайные игорные дома в Кунавине, контролируемые неуловимой бандой персов-душителей. Печально известный вертеп в Гордеевке, где в страшных для простого обывателя трактирах обретаются каждую ярмарку беглые каторжники. Притоны Кузнецова и Сушкина на той же Самокатной площади, в которых торговали живым товаром — женщинами и даже малолетними детьми, в том числе для азиатских гаремов. Частенько исчезали купцы и всплывали потом весной в Мещерском озере. Все это Лыков знал, как знал весь город, отчасти по слухам, отчасти из рассказов Здобнова и Ни-

чепорукова, и руки у него чесались влезть в это грязное варево и попытаться что-то переделать, да и сыскную карьеру свою укрепить. Была у него тайная дурацкая мечта стать начальником сыскной полиции...

И вот сегодня он немного отличился. Если затем они со Здобновым найдут убийцу — это серьезная заслуга в глазах начальства, тогда, возможно, Лыкова вообще переведут в штат сыского отделения. Вот тут-то и начнется интересная жизнь...

Лыков поломал еще немного голову над тем, что надо сделать для завтрашнего розыска, хотя и понимал, что Здобнов все придумает за него и лучше его. Потом записал обещанные Гаммелю сведения о варшавских ворах и ювелирных мошенниках, но спать все равно еще не хотелось. Тогда он взял наполовину разрезанный том записок Теофиля Гютье о путешествии в Россию и просидел с ним до полуночи.

• 3 •

ЯРМАРКА

Ярмарка открылась, как водится, с архиерейского служения в Спасо-Преображенском соборе. По окончании литургии крестный ход торжественно, через бульвар и Главный дом прошел к Макарьевской часовне, перед которой искони стояли флачные башни. После молебна в присутствии губернатора, предводителя дворянства, городского головы, председателя ярмарочного комитета и прочего начальства помельче ярмарочные флаги окропили святою водою и подняли. Толпа в несколько тысяч человек заревела, множество глаз было устремлено на флаги: как развернутся, так и пойдет ярмарка, в чью сторону потянутся полотнища, тем купцам будет хороший торг. Примета это старинная